

Список литературы

1. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=143244&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7706819385094712#01144552907581804>.
2. Микрюков В. А. Признание обременения отсутствующим - самостоятельный способ защиты гражданских прав? // Хозяйство и право. - 2012. - № 11. - С. 8-13.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196727/.
4. Петрушкин В.А. Иск о признании права (обременения) отсутствующим в системе способов защиты прав на недвижимость // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. - 2013. - Т. 155. - Кн. 4. - С. 137-144.
5. Попов И.В. О сфере применения иска и условиях удовлетворения требования о признании права или обременения отсутствующим // Сибирское юридическое обозрение. - 2019. - Том 16. - № 2. - С. 146. С. 141-148.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. - 2010. - № 109.
7. Решение от 21 марта 2017 г. по делу № 2-951/2017 Дмитровский городской суд. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V1aRmOWbAWV5/>.
8. Усачева К.А. Негаторный иск в исторической и сравнительно-правовой перспективе (часть вторая) // Вестник гражданского права. - 2013. - Т. 13. - № 6. - С. 84-189.
9. Файзрахманов К.Р. Признание вещного права отсутствующим как правовое средство : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Файзрахманов Карим Рафисович. - Казань, 2016. - 29 с.
10. Харитонов И. Иск о признании права отсутствующим (не надо так). URL: https://zakon.ru/blog/2019/3/20/isk_o_priznanii_prava_otsutstvuyuschim_ne_nado_tak.

УДК 349.1

Ф.К. Ногайлева.
ассистент кафедры трудового и социального права,
Санкт-Петербургский государственный университет
М.А. Ботдаев,
кадастровый инженер, юрист,
СРО «Кадастровые инженеры Юга»

F.K. Nogaylieva,
lecturer at the Department of Social and Employment Law,
Saint-Petersburg State University
f.nogaylieva@spbu.ru
M.A. Botdaev,

**Толкование ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ
в контексте правового регулирования трудовых отношений**

**Interpretation the Constitution of the Russian Federation (part 2 of Art. 67.1)
in the context of employment relations regulation**

Аннотация: Поправки в Конституцию РФ в 2020 году внесли в повестку правовой науки доктринальное толкование новых положений. Одна из формулировок (о вере в Бога) оценивается многими не только как политический идеал, но и как реальная программа действий. В статье предложено доктринальное (функциональное и языковое) толкование ч. 2 ст. 67.1 и определена степень влияния новой нормы на трудовые отношения с верующими работниками (данная проблема является предметом иных научных изысканий авторов).

Ключевые слова: толкование Конституции, вера в бога, свобода совести, свобода вероисповедания, светское государство, секуляризм, постсекулярное общество, баланс конституционных ценностей, верующий работник.

Abstract: Amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 introduced the doctrinal interpretation of the new provisions to the agenda of legal science. One of the provisions (about faith in God) is regarded not only as a political ideal, but also as a real program of action. The article gives the doctrinal (functional and linguistic) interpretation and determines the influence of the part 2 of Art. 67.1 on labor relations with religious employees (this problem is the subject of the authors' other scientific researches).

Keywords: interpretation of the Constitution, belief in God, freedom of conscience, freedom of religion, secular state, secularism, postsecular society, balance of constitutional values, religious employee.

«Что же касается случаев, которые обыкновенно правоведами изъясняются, то они состоят или в истолковании слов, или в отличении правильного от неправильного» Марк Фабий Квинтилиан

В большинстве доктринальных источников определение толкования права строится из двух элементов: 1) процесс толкования как логическая операция по уяснению и разъяснению смысла правовых норм; 2) цель толкования – практическая применимость правовых норм, направленность на обеспечение возможностей правореализации [8, с. 295; 17, с. 440; 9, с. 491; 19, с. 5]. Наиболее емким представляется ставшее классическим определение толкования, данное С. С. Алексеевым: деятельность по установлению содержания акта для его практической реализации [2, с. 290].

В российской правовой системе особую сложность представляет собой толкование положений Конституции РФ, которая не содержит специальных указаний на этот счет. Тем не менее, с опорой на текст Основного закона учеными выводятся некоторые принципы толкования: 1) признание прав и свобод человека высшей ценностью; 2) толкование положений с учетом исторической матрицы; 3) необходимость учета конкуренции равновеликих

конституционных ценностей [6, с. 222-225]. Конституционный Суд РФ как единственный орган, осуществляющий официальное толкование Основного закона (ч. 5 ст. 125 Конституции РФ), в определении от 5 ноября 1998 г. № 134-О «По делу о толковании ст. 81 (ч. 3) и п. 3 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации» указал, что цель судебного толкования заключается в устранении неопределенности в понимании конституционных положений и обеспечении надлежащего их соблюдения, применения и исполнения.

Поправки в Конституцию РФ, принятые на референдуме и вступившие в силу в 2020 году, ознаменовали собой преобразование ряда правовых институтов; их правовое значение и место в системе российского права еще предстоит устанавливать в законотворческой и правоприменительной практиках, осмысливать в правовой доктрине.

Одной из поправок, вызвавших широкую народную дискуссию, стала ч. 2 ст. 67.1 Основного закона, согласно которой Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство.

Свое *доктринальное толкование* этой нормы полагаем правильным начать с оговорки о том, что Конституция как объект толкования не однородна, она является политическим и юридическим документом, содержащим не только правовые, но и социально-экономические, политические категории [18, с. 13]. Отдельного исследования, безусловно, заслуживает вопрос о том, что тогда оказывается первично: судебное ли толкование Конституции РФ порождает конституционную политику или социально-политическая обстановка в стране влияет на результат толкования. Тем не менее, сейчас, на этапе уяснения и осознания новых резонансных норм, критически важным для любого вида толкования является учет именно социально-политического контекста общественной жизни.

С рассмотрения социально-политического контекста начнем и мы *функциональную составляющую* (толкование с учетом факторов и условий, в которых функционирует, реализуется толкуемая норма) нашего доктринального толкования.

Социальный контекст весьма однозначно свидетельствует о росте религиозности населения России и увеличении роли религии во всех сферах жизни человека. Стабильно увеличивается численность тех, кто считает себя верующими или скорее «религиозными людьми»: за три года (с 2015 по 2017) эта цифра увеличилась с 35 до 53%; одновременно наблюдается резкое сокращение числа атеистов и неверующих – с 26 до 13% [7].

По результатам опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в июле 2015 г., за минувшую четверть века доля тех, кто признает, что вера поддерживает их в определенных ситуациях, выросла более чем в 2 раза: с 23% до 55%; четверть всех опрошенных (26%) признает, что религия помогает им в жизни постоянно (с 5% в 1990 г.) Число верующих, исповедующих православие, возросло с 33% до 79%, ислам, – с 3% до 7%.

Главным аналитическим выводом исследования стало утверждение о том, что религия, утрачивая свои институциональные позиции, все больше становясь делом частного уклада и повседневного внимания каждого человека [5].

Политический контекст. С введением в Конституцию РФ ч. 2 ст. 67.1 проявилась с новой силой естественная, органическая для современного светского государства правовая коллизия между ценностями секуляризма и свободой вероисповедания и усилились сопутствующие политические споры.

В правовой науке *дихотомия противоборствующих позиций* о включении формулировки о вере в Бога в Конституцию РФ такова.

Первая позиция констатирует наступивший *дисбаланс между конституционными ценностями* светского государства и свободы вероисповедания и свободы совести. Упоминание Бога в Основном законе и отнесение всех граждан к числу верующих нарушает ст. 14, 19 и 28 Конституции РФ: формулировка создает презумпцию того, что каждый гражданин России верит (или должен верить) в Бога, и свою очередь, способна поставить граждан в неравное положение в зависимости от наличия этой веры [13, с. 108]. Отмечается также несовместимость формулировки с республиканским механизмом легитимации властных институтов [1, с. 20].

Вторая позиция кардинально противоположна первой. По мнению авторов, поправка в ч. 2 ст. 67.1 свидетельствует о *сложившемся в России постсекулярном обществе*, которое продолжает быть светским, но стремится к учету социальных функций религии и признаёт значимость религиозных институтов [3, с. 34]; способна послужить более эффективному правовому регулированию религиозных прав и свобод и упорядочению государственно-конфессиональных отношений [14, с. 23].

Ряд исследователей оценили формулировку о вере в Бога как восстановление исторической справедливости: благодаря ей установлен базовый мировоззренческий ориентир, который был когда-то утрачен и которого стране не хватало [16, с. 13]; благодаря ней будет нейтрализован сохранившийся в ст. 28 Конституции РФ атеизм советского прошлого и будет исправлено искаженное представление о светском государстве через признаки права вне всякой связи с нравственностью [15, с. 34-35]. Отдельные авторы, в целом положительно оценивая нововведение, утверждают, что более естественным явилось бы расположение положений из ч. 2 ст. 67.1 в преамбуле Конституции РФ [4, с. 339].

Мы склонны разделять первую позицию, руководствуясь правилами *языкового толкования*. Если при буквальном толковании нормы ч. 2 ст. 67.1 исключить из нее причастный и деепричастный обороты, то остается фраза «Российская Федерация признает исторически сложившееся государственное единство». *Цели такого признания*, сделанного именно в Основном законе, – укрепление национального самосознания, а через него, суверенитета и федерализма; введение идеи единства в качестве константы государственной политики на многие годы вперед; воспрепятствование развитию любых центробежных сил в целостном государстве. Однако *средства для достижения этих целей*, на наш взгляд, предусмотрены именно в упомянутых причастном и

деепричастном оборотах: сохранение памяти предков о тысячелетней истории, переданных нам идеалах и вере в Бога, обеспечение преемственности в развитии Российского государства.

Суммируя вышесказанное, приходим к выводу, что содержание ч. 2 ст. 67.1 не устанавливает новых основ светскости или религиозности государства, не принуждает граждан к вере в Бога и, тем более, не расставляет приоритеты между религиями, а формирует концепцию определенной государственной политики (цель), определяя при этом ее опорные точки (средства).

К сходным выводам пришел Конституционный Суд РФ в своем Заключении «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» от 16 марта 2020 г.:

«Включение в текст Конституции РФ указания на веру в Бога не сопряжено с конфессиональной принадлежностью, не объявляет наличие тех или иных религиозных убеждений обязательным в РФ, не ставит граждан в неравное положение в зависимости от наличия такой веры и ее конкретной направленности и призвано лишь *подчеркнуть необходимость учета при осуществлении государственной политики* той исторически значимой социально-культурной роли, которую религиозная составляющая сыграла в становлении и развитии российской государственности» (курсив мой – Ф.Н.)

Итак, нами установлены социальный контекст (рост религиозности граждан) и политический контекст (государственное единство) дальнейшего толкования ч. 2 ст. 67.1 применительно к конкретным правоотношениям. Конституция является актом прямого действия, поэтому, на наш взгляд, пробелы в правовом регулировании любых правоотношений могут и должны устраняться путем обращения к тексту Конституции РФ.

Характеризуя состояние трудовых правоотношений в последние годы, необходимо выделить усиление договорных начал и индивидуализацию условий труда (попутно отметим, что вынужденность широчайшего применения с марта 2020 года дистанционного труда в связи с пандемией еще больше проявила и вывела на новый уровень индивидуализацию).

Неоднозначным основанием для индивидуализации трудовых правоотношений, которое уже набрало обороты в Европе (множество решений Европейского суда по правам человека и Суда Евросоюза) и США (сотни решений Верховного суда) и начинает проявляться в России, являются особенные *потребности работников, соблюдающих религиозные нормы*.

В опубликованных исследованиях одного из авторов этой статьи излагается концепция правового регулирования труда таких работников и дается развернутая характеристика понятий «религиозные нормы», «работник, соблюдающий религиозные нормы» [10; 11; 12]. Здесь же отметим для краткости, что под соблюдением религиозных норм нами понимается

следование предписаниям вероучения, содержащимся в религиозных нормах. Соблюдение не тождественно вероисповеданию, поскольку является более узким понятием. Вероисповедание представляет собой принадлежность к какой-либо религии или конфессии и не всегда предполагает соблюдение его последователем религиозных норм.

Работник, соблюдающий религиозные нормы, в трудовых правоотношениях может испытывать потребности в изменении или изначальном установлении для него индивидуальных условий труда или особенностей выполнения им своих трудовых обязанностей. Например, работница-мусульманка желает носить платок на работе; повар-иудей просит исключить из круга его обязанностей обработку свинины и другого мяса, не соответствующего правилам кашрута; врач акушер-гинеколог, исповедующий христианство, по религиозным мотивам не желает участвовать в оказании медицинских услуг по прерыванию беременности; работница-буддистка просит предоставить ей отпуск вне утвержденного графика для совершения паломничества и т.д.

Учет особенных потребностей работников как субъектов трудового права осуществлен на федеральном уровне в разделе XII Трудового кодекса РФ «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников»: здесь содержатся нормы-дополнения, нормы-исключения, нормы-предоставления, урегулировавшие труд женщин и лиц с семейными обязанностями; несовершеннолетних работников и т.д.

Вероисповедание и соблюдение религиозных норм работником не является достаточным и объективным основанием для того, чтобы сходным образом закрепить особенности труда таких работников в ТК РФ. К тому же, такое закрепление, во-первых, создаст почву для дискриминации других работников; во-вторых, не осуществимо на практике в силу невозможности установить исчерпывающий перечень потребностей работников и корреспондирующих обязанностей работодателя по изменению условий труда (этому препятствуют многообразие религий и верований, разнородность требований религиозных норм, а также особенности личной интерпретации работником содержания этих норм).

Вместе с тем, определенные решения по учету религиозных потребностей работников в России существуют, например, установление Рождества в качестве выходного дня уравновешено наделением в ст. 4 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» субъектам РФ предоставлено полномочие объявлять религиозные праздники нерабочими (праздничными) днями на соответствующих территориях по просьбе религиозных организаций. Это полномочие реализуется преимущественно в субъектах, в которых значительная часть населения исповедует иные религии, помимо православия (республики Татарстан, Крым, Калмыкия, республики Северного Кавказа и другие).

Разумеется, это лишь одно проявление учета религиозных потребностей верующих работников, и, пожалуй, единственное возможное на федеральном уровне. Далее возникает вопрос, чем руководствоваться таким работникам при

необходимости удовлетворить иные потребности (внешний вид, выполнение молитв и т.д.) Выше мы упоминали о тенденции усиления договорного регулирования, которое в полной мере способно решить проблему индивидуализации условий труда. Но только в том случае, если работодатель, имеющий для этого возможности (мы не рассматриваем случаи опасных, непрерывных производств и ситуации, в которых изменить условия труда невозможно в силу объективных причин), желает пойти навстречу работнику, осознавая важность религии в его жизни и влияние удовлетворенности работника на эффективность труда.

Нередки случаи, когда работодатель не желает договариваться с работником или вовсе объявляет на своем предприятии политику религиозной нейтральности. Работнику ничего не остается, как доказывать факт его косвенной дискриминации на основании религии: нейтральные и общие для всех правила внутреннего распорядка работодателя ставят верующего работника в неблагоприятное положение по сравнению с другими работниками. Известно, что правоприменительные решения о признании прямой или косвенной дискриминации работников в России практически не выносятся.

Социальным последствием такой осторожности судов и иных уполномоченных органов и вытекающей из нее невозможности защитить интересы верующих работников может стать эксклюзия из рыночно-трудовых отношений, уход в теневую самозанятость, эмиграция в другие государства. Авторы склонны усматривать в таких последствиях проявления угрозы государственному единству, о политике которого идет речь в ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ. До принятия этой нормы работники в спорах с работодателем могли апеллировать к ст. 28 Конституции РФ, но попадать при этом в круг противоречий и спора о балансе между ст. 28 о свободе вероисповедания и ст. 14 о светском государстве.

Принятие ч. 2 ст. 67 Конституции РФ, не умаляющей конституционной ценности, заложенной в ст. 14, ознаменовало собой переход к новому балансу светского-религиозного в государстве: «светское» не есть атеистическое, «светское» означает уважительное ко всем религиозным и нерелигиозным убеждениям. Норма ч. 2 ст. 67.1 имеет потенциал как прямого действия (при ссылке работником на нее как на основание своих требований), так и косвенного, мировоззренческого, изменяющего сознание и внутреннюю политику работодателей в отношении верующих работников.

Список литературы

1. Акопян А.В. Народ – «Бог» республики» (о целесообразности включения понятия «Бог» в Конституцию Российской Федерации) // Научный электронный журнал Меридиан. - 2020. - № 7. - С. 18-20.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2-х томах. Т. II. - М.: Юрид. лит., 1982. - 360 с.
3. Астапов С.Н. Бога – в Конституцию: о специфике постсекулярного общества в России // Религия и общество – 14. Сборник научных статей XIV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. -

Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2020. - С. 32-34.

4. Бадалов А.О. Проблема закрепления Бога в Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы современного законодательства. Сборник статей участников V Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. Под редакцией Е.В. Былинкиной, С.В. Дубовиченко, О.В. Садовской. - М.: МФЮА, 2020. - С. 335-340.

5. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 2888. Религия: за и против. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115329> (дата обращения: 13.06.2017).

6. Гаджиев Г. А. Онтология права: критическое исследование юридического концепта действительности. - М.: Инфра-М, 2013. - 320 с.

7. Кочергина Е. Религиозность: исследование АНО «Левада-Центр». URL: <https://www.levada.ru/2017/07/18/religioznost/> (дата обращения: 5.01.2018).

8. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. В 2-х томах. Т. II. - М.: Проспект, 2007. - 756 с.

9. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. - М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. - 552 с.

10. Ногайлиева Ф.К. Равенство непохожих: защита свободы вероисповедания работников в США // Юридические исследования. - 2019. - № 3. - С. 39-45.

11. Ногайлиева Ф.К. Религиозные нормы как регулятор трудовых отношений // Право и политика. - 2018. - № 8. - С. 68-80.

12. Ногайлиева Ф.К. Содержание трудового правоотношения с работником, соблюдающим религиозные нормы // Юридическая наука. 2018. - № 5. - С. 44-48.

13. Носкова К. Поправка в Конституцию об указании веры в Бога как косвенный отказ от светского государства // Научные исследования молодых ученых. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. - Пенза, 2020. - С. 106-108.

14. Овчинников А.И., Нефедовский Г.В. Взаимоотношения Церкви и государства в свете конституционной поправки с упоминанием о «вере в Бога» // Административное и муниципальное право. - 2020. - № 5. - С. 23-37.

15. Осавелюк А.М. Размышления о светском государстве (в свете изменений 2020 г. в Конституции России) // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - № 8. - С. 32-42.

16. Пряхин В.Ф. О Боге, о душе, коронавирусе и конституции. Философские заметки политолога // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. - 2020. - Т. 9. - № 1. - С. 13-21.

17. Теория государства и права. Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997. - 672 с.

18. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика: дис. ... д. ю. н. 12.00.02. М., 1997. - 369 с.

19. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. - М.: Юрид. лит., 1979. - 168 с.

УДК 340.115

В.В. Онищенко,
Старший преподаватель кафедры
гражданского и трудового права
Юридического факультета
Таврической академии